2013 год

Всероссийская олимпиада школьников по литературе
Муниципальный этап
9 класс

Задание. Прочитайте произведение Виктории Токаревой «Рождественский рассказ» и напишите отзыв об этом произведении (50 баллов)

Учительница Марья Ефремовна сказала, что надо устроить в классе живой уголок и каждый должен принести что-нибудь живое.

Бабушка предложила:

— Отнесите серого котенка.

Дело в том, что соседская кошка родила троих котят и перешла жить под нашу дверь. Наши соседи, по словам бабушки, опустились и перестали кормить кошку. Им некогда доглядывать даже за своим Славиком, не то что за кошкой, и Славик всю зиму ходит в ботинках на босу ногу и при этом никогда не простужается, в отличие от меня, которая не вылезает из ангин, хотя зимой за мной присматривают шесть глаз: папа, мама и бабушка.

Соседская кошка с котятами перебралась под нашу дверь, и папа выносил им еду на тарелочке. Бабушка была недовольна, потому что папа не работает, а ест и еще кормит посторонних кошек.

Папа действительно не работал. После перестройки их проектный институт развалился и все оказались на улице. Надо было крутиться, а папа крутиться не умел. Маме приходилось крутиться за двоих, и тогда в доме начались молчаливые скандалы. Это когда каждый внутри себя ругается, а вслух молчит. Но я все равно все слышала и была на стороне папы.

Кошек кормили, но не пускали в дом. Однако черный котенок прошмыгнул в квартиру и спрятался под диваном. Его пытались достать шваброй, но ничего не вышло. А вечером, когда все смотрели телевизор, он сам вылез, бесстрашно забрался к бабушке на колени и включил мурлыкающий моторчик, и от этого в доме стало спокойно и уютно.

Утром я проснулась от острой струйки воздуха, холодящей мою щеку. Я открыла глаза и увидела рядом на подушке кошачью мордочку. Наглость, конечно. Но что поделаешь... Котенок заставлял себя полюбить, и мы его полюбили. А взрослая кошка с серым котенком остались жить на лестнице, из чего я делаю вывод, что деликатность не всегда полезна.

— А вы отнесите серого котенка в живой уголок, — предложила бабушка.

— Я против, — возразил папа. — Кошки должны жить на свободе и охотиться за мышами.

— Даже кошки и те охотятся, — намекнула бабушка.

Мы с папой проигнорировали намек, оделись и пошли в цветочный магазин.

В цветочном магазине работала очень красивая продавщица с гладеньким

нарисованным личиком.

— Здравствуйте, — сказал ей папа. — Нам что-нибудь для живого уголка.

— Лучше всего кактус, — посоветовала продавщица. — Самый неприхотливый цветок. Может долго обходиться без влаги.

Она поставила перед нами горшок с кактусом. Его и цветком не назовешь. Какое-то выживающее устройство, все в буграх и в иголках. Между прочим, у некрасивых девчонок — покладистый характер. Видимо, все уродливое — неприхотливо, потому что у них нет другого способа выжить.

— Можно фикус, — сказала продавщица. — Но это очень дорого. Двадцать пять тысяч рублей.

Я не хотела, чтобы папа выглядел бедным, и торопливо проговорила:

— Мне вон тот, красненький...

Горшочек был самый маленький, цветочек самый простенький, похожий на капельку огня, и, наверное, самый дешевый.

— Это герань. Восемьсот рублей, — продавщица поставила горшочек перед нами.

— Как пачка сигарет, — пошутил папа. Ему нравилась цена и нравилась продавщица. А мне нравился цветочек. Листья были большие, замшевые, а цветочек совсем простой, в четыре лепестка. Как будто ребенок нарисовал. Или сам Господь Бог сотворил этот цветочек утром и в хорошем настроении. Проснулся и со свежей головой придумал такой цветок: ни убавить, ни прибавить.

— У меня в детстве была герань, — вспомнил папа, и его лицо приняло особое выражение. Детство — хорошее время, когда ребенка любят ни за что, просто так, и ничего от него не хотят, кроме того, чтобы он был и цвел.

— Сколько стоит герань? — царственно спросила широкая тетка в дорогой шубе. Тетка-фикус.

— Это наш, — я сняла цветок с прилавка и прижала его к груди.

— А еще есть? — спросила тетка.

— Это последний, — сказала продавщица.

— Жалко. Герань хорошо от моли.

Мало того, что цветок оказался недорогим, он еще и последний, и полезный. Тройная удача.

Я шла по улице и не сводила с него глаз. А папа говорил:

— Смотри под ноги...

Дома я первым делом заперла котенка в ванной комнате, чтоб он не скакнул на цветок и не сломал его. Котенок не понимает, что цветок не игрушка, а живое существо с растительным сознанием. Несчастный котенок рыдал от одиночества, но я проявила жесткость, потому что малым злом (изоляция цветка) устраняла большое зло (гибель цветка).

Я поставила горшочек на подоконник, к солнцу. Потом налила в банку воды и стала поливать.

— Много нельзя, — предупредила бабушка. — Он захлебнется.

Я испугалась и даже ночью вскакивала и проверяла — жив ли мой цветок. А утром я увидела, что огонек еще ярче, листья еще бархатнее, а запах явственнее. Это был ненавязчивый, острый, как сквознячок, ни с чем не сравнимый запах. Я его вдыхала долго-долго, потом выдыхала и снова вдыхала, втягивала в себя.

-— По-моему, она сошла с ума, — заключила мама.

— Ничего, — сказала бабушка, — это полезно для дыхательных путей. Розы, например, лечат насморк.

— Пусть оставит себе, раз ей так нравится, — предложила мама.

— Неправильно, — возразил папа. — Надо уметь отдавать то, что нравится самой.

— Надо сначала стать на ноги, а потом уж быть широким, — изрекла бабушка.

Мне было жаль отдавать цветок и жалко папу. Я сказала:

— Я отнесу в живой уголок, и мы всем классом будем на него смотреть. Приятно ведь смотреть в компании. Как картины в музеях...

Без пятнадцати девять я пошла в школу. Наша школа находится во дворе, и меня не провожают.

Я шла и смотрела себе под ноги, чтобы не споткнуться и не упасть на цветок.

Стояла середина октября, но было тепло как летом и мальчишки перед школой клубились в одних только формах, без курток. Выше всех торчал Борька Карпов — глотник и дурак. Он был единственный сын у престарелых родителей, они ничего ему не запрещали и носились с ним как с писаной торбой. Я не знаю, что такое писаная торба, но думаю, что-то очень противное. Как Борька. У него большие руки и ноги, и ни на что хорошее эти руки не были способны, только давать щелбаны и подзатыльники. Остальные мальчишки были помельче, и все переплелись в какой-то общий ком.

Когда они меня увидели с цветком, прижатым к груди, то перестали клубиться, распутались и выпрямились. Ждали в молчании, когда я подойду. Мне это не понравилось. Я остановилась и стала на них смотреть.

Зазвенел звонок. Я надеялась, что звонок сдует всех с места, но мальчишки стояли.

«Ты что, боишься, что ли?» — спросила я себя и пошла к школьной двери. Мальчишки стали друг против друга, и я вошла в их коротенький коридор. Во мне разрасталась какая-то тоска, хотя все было нормально. Я делала шаг за шагом. Остался последний шаг — и я за дверью. Последний шаг... И в этот момент Борька Карпов делает два движенья: одно — вверх — заносит портфель над головой, другое — вниз — на мой цветок. Горшочек выскочил из рук, упал на землю и раскололся. Земля рассыпалась, а красная головка цветка отлетела смятым сгустком. Я смотрела на землю и ничего не понимала. ЗАЧЕМ? Чтобы другим было весело? Но никто не рассмеялся. Зазвенел второй звонок. Все побежали в школу. А я повернулась и бросилась к себе домой, при этом чуть не попала под машину. Но у шофера была хорошая реакция. Он резко затормозил и помахал мне кулаком.

Я вбежала в дом и не могла вдохнуть от слез. Бабушка заразилась моим отчаяньем, и лицо у нее стало как у скорбной овцы. Постепенно ко мне вернулась способность разговаривать, я рассказала про Борьку и про цветок. О машине умолчала, тут бы они все сошли с ума, включая папу.

Папа выслушал и сказал:

— Я ему за шиворот стеклянной ваты натолкаю.

— И что? — я перестала плакать.

— Он будет чесаться и мучиться.

Чесаться и мучиться. Это не много, но хоть что-то. Лучше, чем ничего.

— А где ты возьмешь эту вату?

— На стройке. Ее там сколько угодно.

Ночью я не спала и представляла себе, как стеклянная пыль вопьется в кожу, Борька будет кататься по земле и выть от боли, и молить о пощаде...

Однако папа на стройку не шел и дотянул до того, что Борькины родители купили себе квартиру в другом районе и Борька ушел из нашей школы навсегда.

Убитый цветок так и остался неотмщенным. Зло осталось безнаказанным, свободно и нагло гуляло по городу в образе Борьки Карпова. А в общем ничего не изменилось. Я продолжала учиться на крепкое «три», по литературе «пять», продолжала ходить в спорткомплекс, дружить и развлекаться. Ничего не изменилось, но убитый цветок...

Прошло пять лет. Я поступила в университет на экономический, хотя собиралась на филологию. Мама сказала, что экономика — наука будущего, а филология в условиях рынка никому не нужна.

Я встречаюсь с мальчишкой Толей, хотя мне жутко не нравится имя Толя. Не имя, а какой-то обрубок. Анатолий получше — но что-то бездарно торжественное, как колонны в сталинских домах. А может, имя как имя. Просто сам Толя меня раздражает. Он — правильный, а мне нравятся неправильные.

Впереди, как нескончаемое поле, раскатилось мое будущее с неинтересной профессией и неинтересной личной жизнью.

Моя теория: в природе существуют пораженцы и везунки. Белый ангел набирает свою команду. А черный ангел — свою. Ангелы — это чиновники в небесной канцелярии.

Я подозревала, что моя карьера пораженки началась в то утро возле школы, когда Борька Карпов опустил свой портфель на горшочек с геранью. Я растерялась, онемела, и именно в эти секунды черный ангел дернул меня за руку и задвинул в свои ряды. Именно тогда все определилось и продолжается, хотя при этом у меня большие глаза, ровные зубы и французская косметика. Я цвету и благоухаю, а все зря.

Сегодня тридцать первое декабря. Новый год.

Мы договорились с Толей встретиться у метро и пойти в компанию. Встретились. На Толе была кепка с твердым околышем, как у Жириновского. Такие же кепки носили румынские носильщики в начале века. Мне стало тоскливо. От Толи исходила вялая, липкая энергия, похожая на смог в

большом городе.

— Все отменяется, — сказала я. — Мне надо вернуться домой.

— Почему? — оторопел Толя.

— Потому что Новый год —• семейный праздник.

— И ты вернешься в этот старушатник?

— Старушатник — это бабушка, кошка, папа и мама.

— Да, — сказала я, — вернусь.

Возле метро раскинулся цветочный базарчик. Я подошла к черному парню и купила у него одну розу. Я заплатила не скажу сколько. Много. Я пошла по пути мамы. Все, что мне нравится, я покупаю себе сама. И я знаю, что так будет всегда.

На моих часах — одиннадцать вечера. В это время все нормальные люди сидят за накрытым столом в предчувствии реальной выпивки. Готовятся провожать старый год. А я сижу в автобусе, где кроме меня только водитель и еще одна пораженка с кактусовой внешностью. С рюкзаком. Должно быть, решила спортивно использовать выходные дни. А я — с розой. Моя роза — темно-бордовая, бархатная, юная, только что выплеснувшая из бутона свою красоту, на длинном крепком стебле. Откуда взялась в холодной зимней Москве, из каких таких краев... Я подняла розу к лицу, и мы нюхаем друг друга.

На одной из остановок в автобус вошел солдат — высокий, как верста, с большими руками и ногами. Он, видимо, замерз, а потом оттаял, из носа у него текло. Нос был странный: он не стоял посреди лица, а как бы прилег на щеки. Должно быть, нос сломали. Ударили кулаком по прямой, как в бубен. А может быть, свалили и били по лицу ногами. В армии это случается.

Солдат сел, продышал в стекле дырочку и стал смотреть в темноту. Время от времени он дул в свои пальцы. Я смотрела на него не отрываясь, что-то неуловимо знакомое в руках, наклоне головы... Я пыталась уловить это неуловимое и вдруг схватила за хвост: Борька! Борька Карпов! Он, конечно же, окончил школу, потом армия. Кто-то побил его вместо меня.

Все пять лет я мечтала встретить этого человека и сказать ему сильные и жесткие слова упрека. Я даже приготовила эти слова. Но они предназначались другому Борьке — красивому и наглому, хозяину жизни. А не этому, в казенной шинели. В свое время я хотела, чтобы он чесался и мучился. И он, должно быть, мучился и катался по земле. Но меня это не обрадовало. Нет. Не обрадовало. Во мне разрасталась пустота, клонящаяся к состраданию.

Я подошла к нему и сказала: — Привет!

Борька повернул ко мне лицо, увидел перед собой красивую девушку с красивым цветком. Как на календаре. Он смутился и стал красный, как свекла.

— Не узнаешь? — спросила я.

Мы не виделись пять лет. За это время я из подростка превратилась в девушку. Это то же самое, что’ роза в бутоне и раскрывшаяся роза. Ничего общего. Можно только догадаться. Но Борька не догадался.

— Ты мне еще цветок сломал, — напомнила я.

— Какой цветок?

Он не помнил то утро и горшочек с геранью. И то, что стало для меня событием в жизни, для него не существовало вообще. В тот день на первом уроке была контрольная по геометрии и все его мозговые силы ушли на доказательство теоремы, а через час, на следующем уроке, он уже не помнил ни о контрольной, ни обо мне. Так чего же я хочу через пять лет?

— Ты Борька Карпов?

— Да, — сказал он. — А что?

— Ничего. С Новым годом!

Я протянула ему розу. Зачем? Не знаю. Протянула и все.

Борька не взял. Онемел от удивления. Тогда я положила ее ему на колени. Как на памятник.

Автобус остановился. Это была моя остановка.

Я спокойно сошла. Не сбежала, не соскочила. Просто сошла.

Борька смотрел на меня из освещенного окошка. И вдруг узнал. Его глаза вспыхнули узнаванием и стали красивыми, потому что в них появился смысл и радость. Новый плосковатый нос делал его лицо более мужественным, похожим на лицо молодого Бельмондо. И большие конечности его не портили, скорее наоборот...

Автобус тронулся. Прощай, мой черный ангел. Прощайте, мои напрасные страдания. Прощай, моя роза неземной красоты. Продержись как можно дольше...

Дома меня встретили папа, мама, бабушка и кошка. Они удивились, но обрадовались.

Мы успели проводить старый год и выслушать приветственную речь президента. Президент говорил рублено и внятно, был тщательно расчесан, в красивом костюме, и было видно, что президент — не пораженец, а везунок. У него все получится, а значит, и у нас. Потом забили куранты. Мы поднялись с бокалами и закричали «Ура!». И кошка тоже включила свой моторчик и запела о том, что жизнь прекрасна, несмотря на быстротечность и на бессмысленную жестокость. Несмотря ни на что...